

0-782937

На правах рукописи

СКОРНЯКОВА РАИСА МИХАЙЛОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

МОСКВА

2010

Диссертация выполнена в Институте иностранных языков
ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор Вера Анатольевна Пищальникова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Елена Юрьевна Мягкова

доктор филологических наук,
профессор Александр Геннадиевич Сонин

доктор филологических наук,
профессор Лариса Олеговна Бутакова

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тверской государственный
университет»

Защита диссертации состоится 25 марта 2010 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 850.007.08 при ГОУ ВПО «Московский город-
ской педагогический университет» по адресу: 105064, Москва, Малый Ка-
зенный пер., д. 5 Б, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Москов-
ский городской педагогический университет».

Автореферат разослан «18» февраля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Н. Л. Огуречникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена разработке и обоснованию лингвокультурологической концепции моделирования языковой картины мира. Реконструкция фрагмента языковой картины мира осуществляется на основе его структурно-семантических и метафорических моделей, моделирования в различных типах дискурса и на базе ассоциативных полей.

Объект настоящей работы – фрагмент немецкой и русской языковой картины мира (трудовая деятельность) – рассматривается как специфический вид функциональной системы. **Предметом** исследования являются принципы лингвокультурологического моделирования картины мира, обоснование которых осуществляется на основе лексико-семантических полей, названных лексемами *труд/Arbeit*, в немецком и русском языках; ассоциативных полей слов-стимулов в указанных языках; дискурсов различных типов, в которых используются частотные компоненты лексико-семантических и ассоциативных полей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью

- упорядочения лингвистических и междисциплинарных данных по проблеме моделирования структуры и содержания картины мира и
- разработки лингвокультурологической концепции моделирования языковой картины мира как одной из базовых категорий антропоцентрической парадигмы в языкознании.

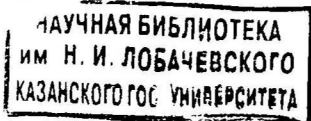
Теоретической основой диссертации являются работы, посвященные изучению лингвистического моделирования как метода научного познания (А. Ф. Лосев, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, Т. В. Булыгина, С. А. Крылов, М. Вартофский, М. Бирвиш, Т. В. Цивьян, В. В. Воробьев, Н. В. Орлова, Л. О. Бутакова). Исследование фрагмента языковой картины мира как динамической функциональной системы основано на идее функциональной системности, которая разрабатывалась как в зарубежной, так и в отечественной

лингвистике (В. фон Гумбольдт, Г. Пауль, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенз, Э. Сепир, А. Мартине, Э. Косериу, Л. В. Щерба, А. А. Леонтьев, П. К. Анохин). Верификация результатов лингвокультурологического моделирования на основе свободного ассоциативного эксперимента и метода субъективного шкалирования базируется на достижениях психолингвистических исследований (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Т. Н. Ушакова, В. А. Пищальникова, Г. Рикхейт, В. Ф. Петренко, Р. М. Фрумкина).

Гипотеза исследования заключается в том, что моделирование картины мира может быть представлено алгоритмической последовательностью процедур, определяемых спецификой отношений компонентов лексико-семантических и ассоциативных полей и способом действия со словом в дискурсе.

Цель исследования – теоретическое и экспериментальное обоснование лингвокультурологической концепции моделирования языковой картины мира на основе лексических данных языка.

Достижение цели потребовало решения ряда теоретических и экспериментальных задач: 1) теоретически обосновать возможность решения поставленной проблемы в рамках лингвокультурологической парадигмы; 2) определить содержание основных понятий, используемых для моделирования картины мира в рамках лингвокультурологического подхода, и исследовать их объяснительные возможности; 3) выявить те отношения элементов лексико-семантических и ассоциативных полей и способы действия со словом в различных типах дискурса, которые играют существенную роль в формулировании и обосновании принципов лингвокультурологического моделирования картины мира; 4) экспериментально верифицировать сформулированную гипотезу.

Материалом исследования послужили лексико-семантические поля, названные лексемами *труд/Arbeit*, в немецком и русском языках; дискурсы различных типов, в которых используются частотные компоненты лексико-семантических и ассоциативных полей; ассоциативные поля слов-стимулов в указанных языках; результаты метода субъективного шкалирования. Карто-тека автора включает около 3000 слов русского языка и 3000 немецких лексем, 250 русских и 300 немецких фразеологических единиц, 500 русских и 450 немецких пословиц и поговорок, 400 русских и 600 немецких изречений и афоризмов, то есть всего около 8 500 единиц более чем в 30 000 употреблений в немецкой и русской художественной литературе XX в., Библии, немецких сказках братьев Гримм и русских народных сказках, в немецком и русском идеологическом дискурсе, в интернет-форумах на немецком и русском языках.

Решение поставленных задач предполагает применение целого ряда **методов** современного языкознания: основным классифицирующим методом является лингвистическое моделирование структуры и содержания фрагмента немецкой и русской языковой картины мира; обращение к словарям различного типа обуславливает анализ словарных дефиниций, семный (компонентный) анализ, этимологический анализ, словообразовательный анализ лексики; исследование концепта в дискурсах делает необходимым дискурсивный анализ речевого материала; основной метод, с помощью которого осуществляется проверка гипотезы, – свободный ассоциативный эксперимент; для верификации его результатов применяется метод субъективного шкалирования.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1) языковая картина мира рассматривается как динамическая функциональная система, способная к саморазвитию и самоорганизации в процессе функционирования;

2) функциональность языковой картины мира как системы отражает ее способность к проявлению/образованию новых свойств составляющих ее единиц в процессе функционирования системы;

3) языковую картину мира как функциональную систему эффективнее изучать с помощью интегративного подхода, поскольку в этом случае возможно использование различных методов и приемов, приспособленных к исследованию избранного объекта;

4) моделирование как интегративный метод в наибольшей степени приспособлено к синтезу фактов различной природы и выявлению сущностных свойств объекта;

5) лингвокультурологическое моделирование фрагмента языковой картины мира эффективно осуществлять с учетом принципов, касающихся как устройства самой функциональной системы, так и специфики концепта как лингвокультурологической единицы, сконструированной моделирующим субъектом – исследователем.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) уточнено содержание и объяснительные возможности базовых понятий лингвокультурологии (концепт, картина мира, стереотип, менталитет);

2) приведены аргументы в пользу трактовки фрагмента языковой картины мира как динамической функциональной системы, способной к саморазвитию и самоорганизации в процессе функционирования;

3) представлено описание новых свойств компонентов лексико-семантических и ассоциативных полей, вербализующих фрагмент языковой картины мира как функциональной системы;

4) продемонстрирована эффективность лингвокультурологического моделирования фрагмента языковой картины мира на основе принципов, касающихся устройства самой функциональной системы (принципы функциональной системности, иерархичности, стабильности/вариативности);

5) разработаны и обоснованы принципы, касающиеся специфики концепта как лингвокультурологической единицы, сконструированной моделирующим субъектом – исследователем (принципы интегративности, репрезентативности, интерпретативности).

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном подходе к анализу структуры и содержания концепта, включающем несколько взаимодополняющих этапов его моделирования, результаты которого существенны для развития методологических основ лингвокультурологии как новой научной дисциплины.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью применения разработанной методики в теории и практике лингвистических и междисциплинарных исследований, связанных с изучением сущностных характеристик картины мира. Разработанная комплексная методика анализа структуры и содержания концепта может применяться в исследовании других фрагментов языковой картины мира различных этносов.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы: две монографии (23,25 п. л. и 5,1/2,5 п. л.), учебное пособие (12 п. л.), глава в коллективной монографии (0,5 п. л.), статьи, тезисы различных конференций (14,6 п. л.), всего 45 работ (объемом более 53 п. л.). Основные положения и результаты работы обсуждались на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях в Москве (2007, 2008, 2009), Санкт-Петербурге (2005, 2006, 2008), Нижнем Новгороде (2007, 2009), Иркутске (2003, 2005, 2006), Барнауле (2006), Пензе (2005), Томске (2006), Улан-Удэ (2006, 2008), Благовещенске (2007), Самаре (2008), Костроме (2009), Кемерово (2003, 2005, 2006, 2007), на заседании кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, на заседании кафедры западноевропейских языков и перевода Московского городского педагогического университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы (298 наименований, из них 86 на иностранных языках), списка словарей, энциклопедий и их сокращений (54 наименования на русском и немецком языках), списка источников материала (139 наименований на русском и немецком языках), трех приложений, содержащих схемы моделей; образцы анкет на русском и немецком языках для проведения свободного ассоциативного эксперимента и применения метода субъективного шкалирования; таблицы, демонстрирующие соотношение семантических и ассоциативных полей десяти слов-стимулов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются объект и предмет исследования, определяется его цель, задачи и методы.

Первая глава «Лингвистическое моделирование как способ реконструкции языковой картины мира» состоит из двух частей. В первой части рассматриваются основные подходы к исследованию языковой картины мира и ее структурных компонентов (концепт, менталитет, стереотип): психологический, философский, логический, социолингвистический, психолингвистический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический, интегративный. В рамках лингвокультурологического подхода, в русле которого лежит наше исследование, приоритетным является вопрос о том, как культурное содержание отображается в значении языковых единиц (Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. В. Воробьев, В. В. Красных, Н. А. Красавский, В. Н. Телия, А. Вежбицкая). С этой точки зрения, для научного контекста нашей работы актуально положение о том, что значение и концепт отражают разные параметры языкового содержания: если значение в основном вычленяет и фиксирует составные части содержания языковой единицы, то концепт моделирует его

порождение и функцию. Следовательно, с позиций лингвокультурологии происходит смещение внимания к функциональной стороне языка, поэтому как концепт, так и языковая картина мира рассматриваются как динамическая функциональная система, изучение которой наиболее эффективно с помощью такого интегративного метода, как моделирование.

Вторая часть посвящена изучению лингвистического моделирования как метода исследования языковой картины мира, трактуемого как исследовательская процедура, целью которой является создание конструкта, воспроизводящего в упрощенном и схематичном виде структурно-содержательную специфику языковых фактов. Следовательно, модель фрагмента языковой картины мира – это схема конструирования репрезентирующих ее языковых элементов. В антропоцентрической парадигме современного языкознания моделирование является наиболее востребованным исследовательским приемом. Сказанное касается, в том числе, и лингвокультурологии, обращенной к ментальным феноменам, исследующим ненаблюдаемые процессы. Поэтому одной из актуальных проблем является разработка и обоснование принципов лингвокультурологического моделирования картины мира.

В настоящем исследовании моделирование фрагмента языковой картины мира осуществляется на основе и с учетом следующих принципов, являющихся обобщением и дальнейшим развитием основных направлений в изучении моделирования картины мира. При этом общеметодологические принципы и принципы общего науковедения адаптируются к новому объекту исследования – концепту как необходимая методологическая обработка известных принципов.

Принципы лингвокультурологического моделирования картины мира, формулируемые и реализуемые в нашем исследовании, имеют разный методологический статус. Так, первые три принципа (принцип функциональной системности, иерархичности, стабильности/вариативности) представляют со-

бой общенаучные теоретические принципы, обусловленные методологией исследования, которые касаются устройства любой функциональной системы, в том числе концепта.

Принцип функциональной системности. В процессе жизнедеятельности носители определенного языка целенаправленно строят свою картину мира, модели интересующих их объектов, явлений или процессов, которые представляют собой фрагменты картины мира. Модель мира они используют как инструмент для ориентации в окружающем мире. Однако в процессе разных видов деятельности индивида (физической, умственной, в том числе и речевой) ее мотивы изменяются, и, следовательно, модифицируется ее цель. А ведь именно цель речевой деятельности является главным фактором, образующим системность речи. Таким образом, в изучении концепта, представляющем то или иное культурное содержание, важно определить доминантный мотив, влияющий на структурирование концепта (на взаимодействие и иерархию его составляющих).

В реальном функционировании связи между системой языка и культурой, представляющие наибольший интерес с точки зрения лингвокультурологического подхода, учитывают иерархию и степень влияния различных культурологических факторов (исторических, экономических, социальных, общественно-политических) на функции элементов системы. Так, новые тенденции в сфере трудовой деятельности Германии и России приводят к возникновению неологизмов и эвфемизмов, в которых фиксируются новые отношения между выделяемыми компонентами концепта «труд». Немало новых номинаций связано в частности с проблемой безработицы. В настоящее время эта проблема особенно обострилась в связи с финансовым и производственным кризисом, который коснулся как Германии, так и России. Так, в Германии акции протеста против сокращения рабочих мест и увольнений приводят к образованию неологизмов-эвфемизмов, ср.: *schlanke Produktion*,

verschlanken, schlanker Staat, die Schlankheitskur. В основе указанных слов лежит прилагательное *schlank* (стройный, тонкий). Этими эвфемизмами, сравнительно недавно появившимися в немецком языке, называют стратегию производства, при которой сокращаются рабочие места. Подобная закономерность характерна и для русского языка. Обострившаяся проблема безработицы за последний год вызвала к жизни следующие новообразования эвфемистического характера: *отправить за ворота, остаться на улице, работать за того парня.*

Из понимания системы как функциональной, т. е. приобретающей свои свойства в процессе функционирования, вытекает иной взгляд на принцип иерархичности. Применительно к такому объекту исследования, как концепт, данный принцип проявляется в том, что ядро и периферия концепта не являются постоянными: компоненты концепта приобретают доминирующий или периферический характер в процессе реального функционирования языковой системы как репрезентанта культуры. Так, традиционные пословицы и поговорки, в которых находит выражение многовековой опыт немецкого и русского народов, касающийся сферы трудовой деятельности, имеют тенденцию отступать на периферию системы языка под влиянием изменившегося отношения к труду в современном обществе Германии и России. На смену им приходят так называемые антипословицы, фиксирующие современные взгляды на труд, ср.: *Дело мастера боится – Дело мастера боится, а иной мастер дела боится; Müßiggang ist aller Laster Anfang* (Безделье – начало всех пороков) – *Arbeit ist aller Laster Anfang* (Труд – начало всех пороков).

Принцип стабильности/вариативности моделирования картины мира учитывает, что определенные существенные черты и свойства объекта, принимаемые во внимание при моделировании, остаются инвариантными и образуют стабильную основу, а другие сущностные свойства модифицируются, и поэтому рассматриваются как вариативные компоненты языковой картины

мира. Стабильность функциональной системы концепта обуславливается, прежде всего, константностью языкового значения, которое стабилизируется словом – именем концепта. Под влиянием культурологических факторов различные компоненты значения представляют ядерные или периферийные элементы концепта. При этом устойчивыми в структуре концепта остаются понятие и фонетическая оболочка слова, как значимая материя, что обеспечивает понимание и возможность общения между носителями языка. Ядерным элементом концепта может быть эмоциональный компонент значения слова. Так, в высказываниях *И это его работа! Полюбуйся на свою работу! Das ist keine Arbeit! Soll das eine Arbeit sein?!* реализуется негативная оценка и как следствие отрицательное эмоциональное содержание значения лексем *работа/Arbeit*, которое становится доминантным мотивом речевой деятельности и тем самым ядерным элементом концепта. Другие компоненты значения указанных лексем образуют в данном случае периферию концепта. Его стабильность обеспечивается понятийным содержанием и фонетической оболочкой этих слов.

Следующие три принципа – интегративности, репрезентативности и интерпретативности – отражают специфику концепта как лингвокультурологической единицы, сконструированной с позиции моделирующего субъекта – исследователя. Принцип интегративности проявляется в двух аспектах. Во-первых, он предполагает учет данных смежных наук, обусловленный многоаспектностью объекта (трудовая деятельность). Поэтому описание труда не может быть ограничено только лингвистическими данными, отражающими взгляды этносов на труд, целесообразным представляется его комплексное междисциплинарное изучение, предполагающее не только учет сведений из разных областей знания, накопленного человечеством, но и создание специфического научного объекта. Во-вторых, в широком понимании интегративность – экспансионизм, междисциплинарность, выход в смежные области

знания. Поэтому круг проблем, связанный с реконструкцией языковой картины мира, логично рассматривать с позиций системного подхода к языку, привлекая достижения семантического анализа, практические наработки и инструментарий лексикографии, лингвокультурологии, используя опыт лингвокогнитивных исследований, затрагивая вопросы этнопсихолингвистики, социолингвистики, культурологии.

Принцип репрезентативности свидетельствует о том, что лингвистическое моделирование есть не что иное, как комплекс исследовательских приемов и процедур, имеющих целью реконструировать фрагмент языковой картины мира на основе его репрезентации в языке. Результатом является научный конструкт, обладающий всеми свойствами модели. Таким образом, репрезентация представляет собой результат моделирования как способа познания. Принцип интерпретативности предусматривает интерпретативную деятельность исследователя по отношению к разноуровневым языковым средствам репрезентации фрагмента картины мира. Следовательно, нам предстоит воспринять, осмыслить и, в конечном счете, интерпретировать как принадлежащие к средствам вербализации концепта «труд» в немецкой и русской языковой картине мира разнообразные языковые средства.

Вторая глава «Структурно-семантическое моделирование фрагмента языковой картины мира» состоит из трех разделов. В разделе 2.1. под структурой концепта понимается его формальная организация, выраженная в содержательных формах. В нашем исследовании предлагается полевая модель описания структуры концепта, состоящая из ядра и периферии. Ядерные компоненты структурной модели фрагмента языковой картины мира отражают основные результаты познания окружающей действительности, которые являются универсальными для разных народов, в частности для немецкого и русского. Проведенное исследование показало, что для концепта «труд» характерно как минимум 24 ядерных компонента: объект и субъект

трудовой деятельности, целенаправленность, процесс труда, объем работы, сложность/трудность работы, виды трудовой деятельности, инструмент/орудия труда, результат, функции трудовой деятельности и др. Периферийные компоненты структурной модели фрагмента языковой картины мира отражают представления о труде, характерные для отдельных индивидов, социальных групп и этноса в целом. Поэтому, в отличие от универсальных ядерных компонентов, они характеризуются национально-культурной спецификой. Периферийные компоненты складываются из мнений, суждений, толкований, определений, содержащихся в пословицах и поговорках, афоризмах и изречениях, высказываниях из различных типов дискурса.

Однако функциональный характер системности заставляет по-иному взглянуть на иерархию элементов (ядро – периферия) такого объекта исследования, как концепт. Из принципа функциональной системности, тесно связанного с принципом иерархичности, вытекает понимание того, что элементы концепта приобретают статус ядерных или периферийных в процессе реального функционирования языковой системы как репрезентанта культуры. Иными словами, их иерархия зависит от мотива речевой деятельности «концептоносителя» (термин Д. С. Лихачева), его принадлежности к определенному сообществу людей, его индивидуальности. Так, граффити, построенные по аналогии с традиционными поговорками, которые пишутся в настоящее время спреем на стенах, фасадах домов, отражают мнения и установки определенной социальной группы – молодежи. Поэтому для молодых людей граффити представляют ядерные, а не периферийные элементы концепта «труд», так как в наибольшей степени соответствуют их жизненным установкам, ср.: *Rumsitzen kann jeder. Zum Nichtstun muß man geboren sein* – Просто сидеть может каждый. А ленивым нужно родиться. *Was der eine nicht schafft, läßt der andere liegen* – Что один не сможет сделать, бросит делать и другой.

Лучше плохо отдыхать, чем хорошо работать. Чтобы слова не расходились с делом, нужно молчать и ничего не делать.

Раздел 2.2. посвящен реконструкции фрагмента языковой картины мира немецкого и русского этносов как функциональной системы на основе семантического моделирования в диахронии, что дает возможность выявить сходство и различие во взаимосвязях между изменениями в социально-экономической сфере общества, эволюцией менталитета народа и их отражением в семантическом развитии ключевых слов концепта. Ключевые слова представляют собой ядро репрезентаций того или иного концепта. К ключевым словам немецкого концепта относятся лексемы *die Arbeit, der Beruf, der Job, das Werk, die Tätigkeit*, ключевыми словами русского концепта являются лексемы *труд, работа, дело, профессия, деятельность*, поскольку они имеют достаточно простой семный состав, что обуславливает их общеупотребительность, частотность, широкую сочетаемость, они являются основой для образования производных и сложных слов, фразеологических единиц, пословиц и поговорок, афоризмов и изречений.

Семантическое моделирование в диахронии позволяет сделать вывод о том, что в семантической структуре ключевых слов концепта нашла отражение общая тенденция, характерная для осмысления труда немецким и русским народами. Данная тенденция заключается в том, что на определенном этапе развития общества происходит переоценка роли труда: на смену пониманию труда как наказания приходит его положительное осмысление. В Германии оно связано с именем реформатора Мартина Лютера, который рассматривал труд как обязанность честно трудиться, накапливая праведный капитал. В России представление о труде как о тяжелом бремени было преодолено на почве христианства, в этике которого труд является одним из способов служения богу. Общей чертой в семантическом развитии ключевых слов концепта в немецкой и русской языковой картине мира является также отра-

жение углубления познавательных процессов этносов в данной сфере. В истории экономического развития общества возникновение орудий труда способствовало его разделению. В настоящее время специализация и дифференциация труда измеряется десятками тысяч профессий и ремесел.

Изучение динамики семантической структуры ключевых слов концепта показало, что осмысление труда в немецкой и русской языковой картине мира достигло такой стадии, когда знания о трудовой деятельности используются для познания функционирования других явлений окружающей действительности: работы органов человека и животных, функционирования машин и механизмов, действия сил природы и абстрактных понятий. Для научного контекста нашей работы из этого следует, что язык меняется не только потому, что меняется окружающий мир, но прежде всего потому, что динамичны способы его познания. Сама структура значения как способ познания является динамичной, изначально обладает способностью к развитию. Поэтому различные компоненты значения ключевых слов в исторической ретроспективе представляют доминирующие или второстепенные элементы концепта как функциональной системы.

В разделе 2.3., посвященном семантическому моделированию фрагмента языковой картины мира в синхронии, объектом исследования являются лексико-семантические поля, названные лексемами *труд/Arbeit*. Предметом исследования являются содержательные отношения между компонентами данных лексико-семантических полей. В нашем исследовании устанавливается следующая иерархия: самыми объемными образованиями являются лексико-семантические поля немецкого и русского языков, которые, в свою очередь, подразделяются на лексико-семантические группы (ЛСГ), названные лексемами *труд/лень* и *Arbeit/Faulheit*, каждая из которых состоит из синонимических рядов. Ядро анализируемых лексико-семантических полей образуют лексико-семантические группы с доминантами *труд/Arbeit*.

В настоящем исследовании во внимание принимаются языковые единицы разных структурных типов (слова, словосочетания), имеющие как прямое, так и переносное значение, с различной стилистической окраской, характеризующиеся различными сферами функционирования (литературный язык, диалекты; общеупотребительные слова, термины), исконные немецкие/русские слова и заимствования из других языков, которые относятся к разным частям речи (глаголы, существительные, прилагательные, наречия).

Метод компонентного анализа, основанный на анализе словарных дефиниций, а также на учете синтагматических связей, позволил выделить следующие группы сем, характерных для языковых единиц, вербализующих концепт «труд» в немецкой и русской языковой картине мира: субъект и объект трудовой деятельности, целенаправленность деятельности, процесс трудовой деятельности, виды трудовой деятельности, объем работы, сложность/трудность работы, социальная характеристика трудовой деятельности, время протекания трудовой деятельности, место протекания трудовой деятельности, способ осуществления деятельности, качество осуществляемой деятельности, интенсивность осуществляемой деятельности, следствие трудовой деятельности, средства осуществления деятельности, результат труда, вознаграждение, функции трудовой деятельности, морально-этическая оценка трудовой деятельности. Одновременно данные семы являются основанием для выделения синонимических рядов.

Лингвокультурологические аспекты интерпретации трудовой деятельности проявляются в процессе структурирования синонимического ряда. Этот процесс заключается в формировании центра синонимического ряда – доминанты, а также в оформлении семантических типов синонимов: идеографических и стилистических. Идеографические синонимы отражают процессы конкретизации, уточнения значения, стилистические синонимы создают экспрессивно-оценочную характеристику. Так, доминантой синонимиче-

ского ряда немецкого языка «место протекания трудовой деятельности» являются лексемы *die Arbeitsstelle, der Arbeitsplatz* в значении «Stätte, Stelle beruflicher Tätigkeit» – место, помещение для профессиональной деятельности. Лексемой *das Arbeitshaus* обозначается учреждение с принудительными работами с целью наказания или перевоспитания (Besserungs- und Strafanstalt mit Arbeitszwang). Стилистический синоним *die Arbeitsstätte* в значении «zum Arbeiten bestimmte Stätte, bestimmter Raum» – определенное место, помещение, предназначенное для работы, имеет высокую стилистическую окраску. Синоним *die Schwitzbude* с разговорной стилистической окраской имеет значение «Fabrik oder Werkstatt, in der die Arbeitnehmer übermäßig beansprucht werden» – фабрика или мастерская, где наемные работники подвергаются чрезмерным нагрузкам. Лексема *die Maloche*, обозначающая тяжелую работу, а также место, где производится эта тяжелая работа, имеет фамильярную стилистическую окраску. В русском языке в синонимический ряд «процесс трудовой деятельности» входят доминанты *работать/трудиться*. Этот ряд формируется также идеографическим синонимом *функционировать*, который касается работы организма, механизма, учреждения. Другой идеографический синоним *действовать* относится к работе механизмов и сил природы. Конституентами данного ряда являются также стилистические синонимы: *робить, вкалывать, трубить, мозолиться, мантулить* (прост.).

Однако с позиций функциональной системности синонимия рассматривается как свойство, характерное лишь для определенного состояния языковых систем. В реальном функционировании слово в зависимости от мотива речевой деятельности может утрачивать синонимические связи с конституентами указанной лексико-семантической группы. Если понимать значение как структуру функциональную, т. е. создающуюся «здесь и сейчас», в конкретных условиях речевой деятельности, тогда следует учитывать, что мотив конкретной речевой деятельности актуализирует определенный компонент

значения, и он становится структурообразующим элементом концепта. В значении языковых единиц, репрезентирующих концепт, может доминировать другое понятийное содержание, ассоциативный компонент значения, эмоциональное содержание или оценочность, которые под влиянием культурологических факторов представляют ядерные элементы концепта. Следствием этого является не только изменение структуры анализируемой лексико-семантической группы, но и всего лексико-семантического поля, в которое входит эта ЛСГ.

В значении номинантов труда в процессе реального функционирования может актуализироваться ассоциативный компонент значения. Так, в современном немецком языке широкое распространение получили сложные по структуре слова, вторым компонентом которых является лексема *die Arbeit*, в значении которой реализуется ассоциативное содержание. Например, лексема *die Trauerarbeit* обозначает тот труд души, который совершает человек, чтобы преодолеть стресс и депрессию, вызванную потерей близкого человека, ср.: *Persönliche Gespräche können ein wertvolles Stück der notwendigen Trauerarbeit sein* (Abendblatt, 2005) – Доверительный разговор с человеком может играть большую роль в преодолении депрессии, связанной с потерей близких. В значении слова *die Erinnerungsarbeit* подчеркивается, что процесс воспоминания связан с определенными усилиями: *Jugend ist auch Traum- und Erinnerungsarbeit* (Tagesspiegel, 2005) – Юность также сопряжена с мечтами и воспоминаниями. Лексема *die Beziehungsarbeit* актуализирует усилия, необходимые для создания определенных отношений, ср.: *Bildung ist immer Beziehungsarbeit* (Spiegel, 2006) – Процесс обучения всегда связан с установлением отношений. В русском языке подобное ассоциативное содержание актуализируется у лексем *труд*, *работа* не в составе сложных слов как порождающей структуре, а в рамках предложений определенной структурно-семантической модели, ср.: *Любовь – это большая работа, с которой он*

справляется на все сто (Устинова Т. Одна тень на двоих); *Смотреть это кино – большой труд* (Давыдов Ю. Синие тюльпаны). Указанные лексемы немецкого и русского языков утрачивают синонимические связи с конститuentами лексико-семантической группы, так как они, реализуя ассоциативное содержание, становятся конститuentами ЛСГ «чувства» и ЛСГ «состояние».

Периферию лексико-семантических полей составляют антонимы, т. е. лексико-семантическая группы, названные лексемами *лень/Faulheit*. Антонимы, вербализующие концепт «лень» в противовес концепту «труд», представляется целесообразным разделить на три ряда со значением «причины бездеятельности», «способ безделья», «следствие безделья». Каждый ряд, в свою очередь, структурируется на основе антонимических подрядов. Так, антонимический ряд «причины бездеятельности» состоит из нескольких подрядов, основой для образования которых являются различные причины, способствующие безделью, ничегонеделанию. Одной из таких причин, широко представленной в немецком языке, является якобы болезнь, т. е. человек объясняет нежелание работать выдуманной болезнью. Например, глаголы *krankmachen*, *krankspielen*, *krankfeiern* обозначают отсутствие на рабочем месте по причине несуществующей, мнимой болезни, на самом деле, как показывают глаголы, нерадивый работник сам делает себя больным (*krankmachen*), или подыгрывает под больного (*krankspielen*), или вместо того, чтобы страдать от болезни, празднует (*krankfeiern*). Ироническое отношение к прогуливанию работы из-за несуществующей болезни выразилось также в том, что носители немецкого языка придумали названия мнимых болезней на основе прилагательного *faul* (ленивый): *die Faulenzia (Faulenza)*, *die Fauleritis (Faulitis)*, *die Infaulenzia*. В русской языковой картине мира названная причина бездеятельности, судя по степени ее разработанности в русском языке, не пользуется такой популярностью, как у носителей немецкого языка. Так, только в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля указывает-

ся словосочетание *прикидываться от лени больным*. В разговорном русском языке существует выражение *воспаление хитрости*, в котором актуализируется хитрая уловка как причина уклонения от работы.

Однако из понимания концепта как функциональной системы, т. е. приобретающей свои свойства в процессе реального функционирования, вытекает иной взгляд на антонимию, проявляющийся в том, что антонимические связи репрезентирующих его единиц не являются постоянными. Под влиянием культурологических факторов антонимичность языковых единиц, вербализующих концепты «труд» и «лень», может утрачиваться. Следствием этого является изменение структуры не только антонимических рядов, но и лексико-семантической групп с доминантами *лень/Faulheit*, а также лексико-семантического поля в целом. Так, для немецкого языка характерны сложные по структуре слова, состоящие из двух компонентов, объединяющих в одно понятие две лексемы с противоположными значениями. Например, в слове *der Arbeitsurlaub* первый компонент репрезентирует концепт «труд», а второй компонент со значением «отпуск» скорее относится к репрезентантам концепта «лень». В русском языке аналогичное содержание *рабочий отпуск* выражается другой порождающей структурой – словосочетанием. Возникновение указанных лингвистических моделей (сложное слово, словосочетание) задается целями речевой деятельности, в которой важно акцентировать тот факт, что отпуск, т.е. свободное от работы время, может быть в особых случаях сопряжен с работой. Нейтрализация противоположности значений характерна и для целого ряда сходных немецких слов, т. е. эта модель в немецком языке является операциональной, ср.: *der Arbeitsausflug, das Arbeitessen, die Arbeitsferien, der Arbeitsbesuch*. В русском языке этим сложным словам соответствует операциональная модель словосочетания, ср.: *деловой обед, деловой завтрак, рабочие каникулы, рабочий визит*.

В третьей главе «Метафорическое моделирование фрагмента языковой картины мира» метафора рассматривается как одно из средств формирования языковой картины мира. Для научного контекста нашего исследования актуальным и значимым является признание моделирующей функции метафоры, которая способна изменить наше видение мира, способ восприятия окружающей действительности. Иными словами, процесс метафоризации приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания. В понимании значения как когнитивной структуры, которое является основой нашего исследования, в значениях языковых единиц, репрезентирующих исследуемые фрагменты немецкой и русской языковой картины мира, в процессе реального функционирования актуализируются и становятся доминантными ассоциативные компоненты. Их актуализация задается целыми речевой деятельности, в которой важно акцентировать субъективное содержание, представленное конвенциональным словом. Применительно к такому объекту исследования, как концепт, трактуемый как функциональная система, ассоциативные компоненты значения репрезентирующих его языковых единиц становятся его ядерными элементами, приобретающими доминирующий характер.

В лингвокультурологии метафора рассматривается как способ представления культуры, так как она содержит культурно значимые смыслы, основанные на этноспецифическом мировидении. Иначе говоря, метафоры отражают культурные коды, характерные для определенного этноса. Проведенное исследование разноструктурных языковых единиц вторичной номинации, объективирующих концепт «труд», позволяет выделить шесть способов концептуализации и категоризации входящих в него знаний (когнитивных моделей) или шесть культурных кодов: антропоморфный, натурморфный, акциональный, пространственный, предметный, временной.

Антропоморфный культурный код концепта «труд» проявляется, с одной стороны, в том, что работа, труд в немецком и русском языках получают признаки и функции человека: ментальные, ср.: *Der Fleiß weiß* – Усердие знает; моторно-двигательные – работа может приходить, появляться, гнать человека, ср.: *Die Frühjahrsarbeiten treiben Bienkopp hin und her* (Strittmatter E. Ole Bienkopp) – Весенние работы гоняют Бинкоппа туда сюда. *Neue Arbeit war nicht hereingekommen* (Remarque E. M. Drei Kameraden) – Новая работа не появилась. В русском национальном сознании работа наделяется психическими особенностями человека, в частности, она может испытывать чувства любви, страха, ср.: *Работа дураков любит; Дело шутки не любит; Всякое дело мастера боится. Моя профессия любит точность*. С другой стороны, человек наделяет способностью работать предметы и явления окружающего мира. Таким способом человек составлял себе понятие о таком явлении внешнего мира, как трудовая деятельность, исходя из собственного образа. В представлении немецкого этноса способность работать характерна для таких абстрактных понятий, как история, судьба, смерть и др. *Arbeitet die Geschichte eigentlich für uns oder gegen uns?* (Dönhoff G. Ära) – Работает история, собственно говоря, на нас или против нас? *Aber nach so einfachen Regeln arbeitet das Schicksal nicht* (Marx L. Franz und Elisabeth) – Но по таким простым правилам судьба не работает. *In dieser Nacht würde er zum ersten Mal erleben, wie der Tod arbeitet* (Strittmatter Th. Raabe Baikal) – Этой ночью он впервые узнал, как работает смерть. Носители русского языка также приписывают абстрактным понятиям способность работать, ср.: *Стоило нам чуть-чуть задеть мафию, как заработала система* (Дворецкий Л. Безоружна и очень опасна). *Несмотря на все усилия, брак не работал. Сначала мы работаем на имя, потом имя работает на нас*.

Различные аспекты трудовой деятельности человека определяются в немецкой и русской лингвокультурах с помощью натурморфных характери-

стик. Прилежный работник, мастер своего дела сравнивается в немецкой языковой картине мира с такими представителями животного мира, как собака, лошадь, муравей, пчела, землеройное животное. Так, лексема *das Arbeitstier* (букв. рабочее животное) имеет следующее метафорическое значение: *er ist ein Arbeitstier*: er arbeitet unermüdlich, ist ein Mensch, der nur seine Arbeit kennt – он рабочее животное: он работает неустанно, он человек, который знает только свою работу. Служащий, для которого характерно такое же отношение к труду, обозначается лексемой *das Bürotier* разг. (букв. канцелярское животное). Усердный, старательный, работоспособный человек предстает в немецкой языковой картине мира и в образе насекомых: пчелы (*die Biene*) и муравья (*die Ameise*): *emsig (fleißig) wie eine Biene (wie eine Ameise)* – трудолюбив(а) как пчела (муравей). В русской языковой картине мира трудолюбивый человек также сравнивается с пчелой и муравьем. Вероятно, в данном случае речь идет об универсальных для носителей немецкого и русского языков зоометафорах. Так, хорошо известны образные устойчивые сравнения русского языка *работать как пчела*, *трудолюбивый как пчела*. Трудолюбие пчелы, как образец для подражания, находит отражение и в паремиологическом фонде русского языка, ср.: *Пчела далеко за каплей летит; Пчела мала, а и та работает*. Старательный, усердный человек предстает в русской языковой картине мира и в образе муравья. Русские пословицы зафиксировали восхищение работоспособностью этого маленького насекомого, ср.: *Муравей не велик, а горы копают*. Менее продуктивным является вегетативный культурный код, выражающийся в концептуальной метафоре «труд = растение». Труд, как и растение, приносит плоды, т. е. определенные результаты. Этот образ находит отражение в немецких и русских фразеологизмах: *die Früchte seines Schweißes* – плоды своего пота, *Früchte seiner Arbeit* – плоды своего труда, *etw. trägt (reiche) Frucht* – что-либо приносит свои плоды. *Auch meine Pressearbeit hatte Früchte getragen* (Fried A. Traumfrau mit Nebenwirkungen) –

Также и моя работа в прессе принесла плоды. *В середине двадцатых годов семья окрепла, жили прилично, и наступила пора моим родителям пожинать плоды трудов и забот своих* (Рыбаков А. Тяжелый песок).

Характеристики предметов могут переноситься на «непредметные» сущности, в частности, на такое явление социально-экономической жизни, как труд. Предметный код включает как динамические признаки труда, т. е. те действия, которые можно выполнять с работой как с предметом, так и статические характеристики, такие как размер, цвет, количество и др. В частности, для работы характерны признаки артефактов, т. е. предметов или инструментов, являющихся продуктом производства. В афоризме К. Пильзля отмечается, что любая работа – это автопортрет того человека, который эту работу сделал: *Jede Arbeit ist ein Selbst-Porträt jener Person, die diese Arbeit getan hat*. Безупречно работающий человек сравнивается с точно выполненным колесиком механизма, ср.: *Sie bewunderte Erna, die in dieser Ordnung reibungslos funktionierte wie ein präzise gearbeitetes Rädchen* (Finckh R. Nach-Wuchs) – Она восхищалась Эрной, которая в этой системе функционировала безупречно, как точно выполненное колесико. В немецкой пословице труд определяется признаками одежды, ср.: *Arbeit, Sorg' und Herzeleid ist der Erde Alltagskleid* – букв. Труд, забота и горе – повседневное платье земли. Признаки артефактов присущи работе и в русской языковой картине мира. Так, в разговорной русской речи милиционер получил шутовское наименование *труженник свистка*, а музыканты – *труженники гобоя и флейты*. В одном из романов А. Солженицына работа выполняет функцию лекарства, ср.: *Говорит, от болезни работа – первое лекарство* (Солженицын А. Один день Ивана Денисовича).

Трудовая деятельность человека осмысливается через характеристики пространства. Они касаются таких пространственных противопоставлений, как «верх – низ», «вперед – сзади», «внутри – снаружи», «около». Пространственные метафоры позволяют осмыслить и описать такие аспекты

трудовой деятельности, как успешное продвижение по служебной лестнице/кризис в трудовой сфере, успешное выполнение работы/отставание в работе, нахождение человека в процессе работы/вне работы, т. е. состояние безработицы. Так, в сфере трудовой деятельности находит отражение ориентационное противопоставление «внутри – снаружи». Работа ассоциируется у носителей немецкого и русского языков с контейнером, иными словами, работа является вместилищем для чего-либо или кого-либо. Фразеологизмы *in Arbeit sein, in der Mache sein* разг. имеют значение «быть, находиться в работе», ср.: *Wendt ist in Arbeit, Lasch verkauft, Heilbutt verkauft* (Fallada H. Kleiner Mann – was nun?) – Вендт в работе, Лаш продает, Хайльбутт продает. *А плоть давно вся в работу да в заботу спущена* (Платонов А. У человеческого сердца). В работу можно бросаться, окунаться с головой, как указывает фразеологическая единица *sich (kopfüber) in die Arbeit stürzen: Mit Feuereifer stürzte ich mich in die Arbeit an dem Show-Konzept* (Fried A. Traumfrau mit Nebenwirkungen) – С пылом я бросилась в работу над концепцией шоу. Ср. в русском языке: *Приду в себя, брошусь в работу с головой, как в море* (Донцова Д. Уха из золотой рыбки).

Акциональные метафоры позволяют увидеть труд в свете его деятельностного аспекта. Трудовая деятельность описывается в немецкой и русской языковой картине мира как динамический процесс. Вербальными средствами выражения этой динамики являются глаголы движения, отглагольные существительные, а также словосочетания, включающие их в свой состав. В представлениях немецкого и русского этносов трудовая деятельность предстает в образах пути, войны, игры, охоты. Так, по мнению носителей немецкого языка, труд имеет общие признаки с войной. Солдаты, участвующие в войне, метафорически описываются как работники войны, ср.: *Er hatte gehofft, daß der Krieg zu Ende sei, ehe es für ihn ernst werde. Denn alle diese Knabenkrieger waren nur ungelernte Arbeiter des Krieges* (Schafgans H. Die Insel) – Он надеял-

ся, что война закончится, прежде чем это коснется его. Так как все эти войны-мальчики были только необученными работниками войны. По мнению русского народа, война является тяжелой работой, ср.: *Война – это тяжелая работа, выигрывает тот, кто делает эту работу лучше* (Ажаев В. Далеко от Москвы). Так же как и носители немецкого языка, представители русского этноса воспринимают солдат как работников войны, ср.: *Воевал он исправно и по-хозяйски, словно выполняя тяжелую, но необходимую и полезную работу* (Платонов А. У человеческого сердца).

Временной культурный код актуализирует тот факт, что трудовая деятельность протекает во времени. Труд имеет свое прошлое, настоящее и будущее, которое характеризуется особой значимостью для немецкого и русского этносов, осознающих его роль в дальнейшем развитии общества. Протекание трудовой деятельности во времени находит отражение в таком понятии, как рабочее время. Разноуровневые вербальные средства немецкого и русского языков запечатлели различные временные отрезки, объективирующие рабочее время: от секунды до полной трудовой биографии. В сфере рабочего времени Германии и России существуют определенные традиции, а также новые тенденции, обусловленные изменением ситуации на рынке труда. Как показывает языковой материал, особую значимость для немецкого и русского этносов имеет будущее. В профессиональной сфере оно значимо для отдельно взятого человека в том смысле, что от него зависит дальнейшая жизнь. *Was meine berufliche Zukunft anging, war mir auch einiges klargeworden* (Fried A. Traumfrau mit Nebenwirkungen) – Что касается моего будущего в профессиональной сфере, здесь мне многое стало ясно. Ср. в русской лингвокультуре: *Это ожидание было кульминацией моих пятилетних надежд на профессиональное будущее: или теперь, или будет уже поздно* (Голяховский В. Русский доктор в Америке).

Шестая глава «Моделирование фрагмента языковой картины мира в различных типах дискурса» базируется на понимании дискурса как совокупности специфических способов действия со словом (Ю. С. Степанов, П. Серио и др.). Каждый тип дискурса, устного или письменного, представляет собой реализацию определенных целей в определенных условиях коммуникации. Иными словами, для каждого типа дискурса характерны определенные структурообразующие характеристики. Лексические единицы, являющиеся частотными компонентами лексико-семантических и ассоциативных полей, используемые в различных типах дискурса, выстраивают иерархию своих элементов в зависимости от этих характеристик. Создаваемые/используемые в речевых произведениях значения лексических единиц, вербализующих фрагмент языковой картины мира, могут обнаруживать тот или иной семантический компонент. В разных типах дискурса эти семантические компоненты будут разными.

Моделирование указанного фрагмента языковой картины мира немецкого и русского этносов осуществляется на основе различных типов дискурса. Религиозный дискурс представлен Библией, значимость которой для концептуализации труда обусловлена тем, что ее заповеди актуальны для немцев-католиков и немцев-протестантов, представляющих две главные конфессии современной Германии, а также для русских, проповедующих православную веру, до сих пор. В Библии труд рассматривается двояко. С одной стороны, Бог благословляет человека на труд, так как только с помощью труда человек может добыть себе средства к существованию, с другой стороны, после изгнания из рая труд становится проклятием, принуждением, средством искупления грехов.

В православной, католической и протестантской этике труда существуют различия и сходство. Общее во взглядах заключается в том, что труд трактуется как путь спасения человека, т. е. устанавливается связь между

земной активностью, человеческим трудом и спасением души. Различное состоит в том, что католическая церковь таким образом пытается примирить работодателей и трудящихся, создать гармонию в обществе, а протестантская конфессия видит в труде по призванию средство духовного совершенствования. В православной вере труд является безусловной добродетелью, посредством которой человек подтверждает свою веру в Бога и служит ближним.

Значимость Библии подчеркивается тем, что современный немецкий и русский языки впитали в себя ее заповеди по отношению к труду в виде крылатых слов и выражений, пословиц и поговорок, фразеологизмов и лексических единиц: *von seiner Hände Arbeit leben* – жить собственным (или своим) трудом; *das tägliche Brot* – хлеб насущный; *im Schweiß seines Angesichts* – в поте лица своего; *Wer nicht arbeitet, soll auch nicht essen* – Кто не работает, тот не ест; *Jede Arbeit ist ihres Lohnes wert* – Любая работа заслуживает платы; *Arbeit macht aus Steinen Brot* – Работа делает из камней хлеб.

Структурообразующие характеристики Библии, в частности Нового Завета (назидательность, выраженная в форме притч, наставлений и афоризмов), обусловили тот факт, что языковые единицы, вербализующие концепт, актуализируют в своих значениях понятийные компоненты, характеризующие труд как целенаправленную деятельность: труд является для человека жизненной необходимостью, так как он, с одной стороны, дает средства к существованию, с другой стороны, оказывает на человека благотворное влияние.

Исследование особенностей концептуализации труда осуществляется также на основе такого типа дискурса, как сказка. В немецкой языковой картине мира он представлен сказками братьев Гримм, которые являются письменной фиксацией немецких народных сказок и тем самым рассматриваются как ценнейший источник исконных взглядов немецкого этноса на окружающий мир, в частности, на труд. В русской языковой картине мира этот тип

дискурса представлен народными русскими сказками А. Н. Афанасьева, отражающими менталитет русского народа. В силу специфики сказочного жанра эти взгляды предстают в виде оппозиций признаков: тяжелая работа/большая работа – легкая работа/небольшая работа, хорошая – плохая работа, достойная – недостойная работа, хорошая/плохая награда за труд, прилежный работник/красивый, добрый человек – ленивый человек/уродливый, злой человек.

Наряду с общими чертами, характерными для немецких и русских народных сказок, существуют расхождения, свидетельствующие о различиях в немецком и русском менталитете. Они связаны, прежде всего, с такой характеристикой трудовой деятельности, как вознаграждение за труд. В немецком национальном сознании оно является закономерным результатом добросовестного тяжелого труда, в представлениях русского этноса вознаграждение не всегда связано с трудом. Русский человек выразил в сказках надежду на то, что награду можно получить благодаря чуду или удаче.

Структурообразующие характеристики книжной народной сказки (тотальное противопоставление черт действующих лиц или признаков предметов и явлений) обусловили антиномичное представление фрагмента языковой картины мира немецкого и русского этносов. В зависимости от этого, в значениях слов, репрезентирующих данный фрагмент, актуализируются противопоставляемые друг другу оценочные компоненты со знаком плюс или со знаком минус (например, хорошая работа – плохая работа). По всей видимости, данная закономерность объясняется своеобразием мышления людей тех эпох, которые зафиксированы в народных сказках.

Изучение концептуализации труда в пословично-поговорочном дискурсе показывает, что в немецких и русских пословицах и поговорках концепт «труд» предстает в различных своих ипостасях. С одной стороны, отношение к труду немецкого и русского этносов характеризуется его положи-

тельной оценкой. Трудовая деятельность является важной частью жизни немецкой и русской национальной личности. Это находит отражение в том, что в немецкой и русской языковой картине мира именно по труду судят о человеке, одобрения заслуживает трудолюбивый человек, который является мастером своего дела. Немец-труженик, у которого работа стоит на первом месте, ощущает потребность в труде и заинтересован не только в результатах своего труда, но и в справедливой плате за свой труд. В представлениях русского этноса, зафиксированных в пословично-поговорочном фонде, человек славен своим мастерством, умением добиваться хороших результатов в своей работе. С другой стороны, в противовес труду отрицательно оцениваются и вызывают осуждение лень, нежелание заниматься трудовой деятельностью.

Расхождения касаются отдельных прескрипций, отраженных в пословицах и поговорках одного народа и не нашедших отражения в паремиологическом фонде другого народа. Так, для немецкого этноса значимыми являются взаимосвязи между трудом и его оплатой, соответствие между вложением труда и справедливым вознаграждением за него, о чем свидетельствует большое количество немецких пословиц, посвященных данной теме, ср.: *Jede Arbeit ist ihres Lohnes wert; Jede Arbeit verdient ihren Lohn; Wie der Lohn, so die Arbeit; Dienst ohne Lohn macht Diebe; Guter Lohn macht Arbeit leicht*. В пословицах и поговорках русского народа, в свою очередь, вербализуются такие представления, которые не нашли отражения в немецких паремиях: о том, что не следует одновременно делать сразу несколько дел, о том, что в работе не следует спешить, так как это негативно отражается на ее результатах, ср.: *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; Одно дело делай, а другого не порт; Семь дел в одни руки не берут; Поспешешь – людей на-smешишь; Скорого дела не хвалят; Делано наспех – и сделано на смех*.

Пословицы и поговорки, в силу своей известности, компактности, об- зримости, структурной схематичности, представляют собой благодатную ос-

нову для различных преобразований, касающихся как формы, так и содержания, в которых находят отражение современные взгляды носителей немецкого и русского языков на труд: *Verschiebe nicht auf morgen, was du heute kannst besorgen* (Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня) – *Verschiebe nicht auf morgen, was genauso gut auf übermorgen verschoben werden kann* (Не откладывай на завтра то, что с таким же успехом можно отложить на послезавтра); *Работа не волк, в лес не убежит* – *Работа не волк, но что-то звериное в ней есть*; *Кто рано встает, тому Бог подает* – *Кто рано встает, того еще не сократили*.

Структурообразующие признаки пословиц и поговорок как одного из видов минимального фольклорного дискурса (выражение прескрипций народной мудрости в образной устойчивой форме) обусловили тот факт, что в значениях лексем, репрезентирующих фрагмент языковой картины мира, актуализируются ассоциативные и оценочные компоненты, указывающие на то, что труд является необходимостью, а лень подвергается осуждению. В антипословицах, с одной стороны, выражается субъективное содержание за счет акцентирования ассоциативных компонентов значений, с другой стороны, происходит перераспределение оценочных компонентов значений по сравнению с традиционными пословицами, отражающее изменение отношения к труду представителей немецкого и русского этносов.

Моделирование фрагмента языковой картины мира осуществляется и на основе идеологического дискурса. Выбор дискурсов нацистской Германии и советской эпохи обусловлен следующими факторами: во-первых, именно в этих дискурсах наиболее ярко прослеживается взаимосвязь между господствующей идеологией и способом действия со словом с целью создания этой идеологии; во-вторых, именно в тоталитарных системах нацистской Германии и Советского Союза труд, получая значимость национальной идеи, становится основой господствующей идеологии; в-третьих, мы сознательно

отказались от сопоставления идеологического дискурса советской эпохи и бывшей ГДР, так как в социалистическом немецком государстве насаждалась та же советская идеология, поэтому для немецкого языка ГДР были характерны советизмы, представляющие собой кальки русских наименований, ср.: *рабоче-крестьянское государство – der Arbeiter-und-Bauern-Staat*.

Проведенное исследование показывает, что тоталитарные системы нацистской Германии и Советского Союза, добиваясь единомыслия, провозглашают безусловную ценность труда как для отдельно взятого гражданина, так и для всего государства в целом. Получая значимость национальной идеи, труд кладется в основу идеологии, объявляется жизненной необходимостью каждого человека и всей страны, ср.: *Das Volk will Ordnung, Arbeit und Brot* (Народ хочет порядка, работы и хлеба); *Труд на благо общества – священная обязанность каждого человека* [Программа КПСС].

Предписанный определенной идеологией взгляд на мир диктует способ действия со словом в идеологическом дискурсе. К его структурообразующим характеристикам относятся следующие признаки: идеологизация, политизация нейтральной лексики; выдвижение на первый план коннотативного аспекта значения слова; создание новообразований на основе ассоциации идей; превращение фразеологизмов и пословиц в инструмент реализации власти. Поэтому в словах, вербализующих концепт «труд», реализуются ассоциативные и оценочные компоненты значения. Осмысление труда в нацистской Германии в идеологическом ключе проявлялось, в частности, в том, что женщины, отбывающие трудовую повинность, были названы лексемой *das Arbeitsmaid*. Интерес представляет второй компонент этого слова, являющийся устаревшим словом. Национал-социалисты вернули данное слово в немецкий язык, наполнив его новым содержанием. Примечательно, что каждая буква этой лексемы называет одну из добродетелей немецкой женщины: *Mut* (мужество), *Aufopferung* (самопожертвование), *Idealismus* (стремле-

ние к идеалу), *Demut* (смирение, покорность). Идеологический дискурс советского периода не ограничивался модификацией существующих паремий, а по их схеме создавал новые пословицы и поговорки, фиксирующие советские ценности, ср., например, изречения – продукт творчества советской эпохи со стержневым словом *коллектив*: *Без коллектива и жизнь несчастлива; Хорошая нива только у коллектива*. Немало новых советских паремий отражают отношение к колхозам, как новой форме коллективного хозяйствования, ср.: *Без бога и бога есть в колхоз дорога; Хлеб дает нам не Христос, а машина и колхоз; Работать вместе радостно, жить в колхозе сладостно*.

Сопоставительное изучение немецко- и русскоязычных интернет-форумов дает возможность сделать срез отношения к труду немецкого и русского этносов за последние восемь лет. Структурообразующие характеристики интернет-форума, как одного из типов компьютерного дискурса (проницаемость, анонимность, гибкость идентичности и самопрезентации участников), позволяют рассматривать его как достоверный источник, предоставляющий широкий круг мнений и установок, действительно отражающих современные представления о труде.

Предписанные жанром компьютерного общения особенности предопределяют способ действия со словом в интернет-дискурсе. В значениях лексем, репрезентирующих концепт «труд», доминантными становятся оценочные компоненты, демонстрирующие отношение носителей немецкого и русского языков к трудовой деятельности, ср.: *Arbeit kann nicht der Sinn des Lebens sein!* (Работа не может быть смыслом жизни!); *Arbeit macht mir Freude!* (Работа доставляет мне удовольствие!); *Arbeiten ist total toll!* (Работать – это просто здорово!); *А я просто люблю свою работу. Мне нравится работать, и в выходные надоедает дома; Тошнит от работы; Ничего не хочется делать на работе*.

Седьмая глава «Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языковой картины мира» посвящена верификации результатов лингвокультурологического моделирования. Тем самым мы предпринимаем попытку интеграции результатов, полученных в рамках лингвокультурологической и этнопсихолингвистической парадигм. При этом мы руководствуемся тем, что всякая правильно построенная модель непременно требует последующей верификации в ходе так или иначе организованного эксперимента (Л. В. Щерба, А. А. Леонтьев). Такая задача может быть решена только с опорой на экспериментальные данные, полученные в разных экспериментах, в том числе в свободном ассоциативном эксперименте (САЭ), направленном на выявление вербальных ассоциаций носителей языка.

Материалом для наблюдения и анализа послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2007 г. среди носителей немецкого и русского языков (для которых этот язык является родным) в возрасте от 20 до 70 лет, занимающихся трудовой деятельностью. В эксперименте приняли участие 100 носителей русского языка и 100 представителей немецкого этноса. Сравнительное изучение вербальных реакций русских информантов с ассоциатами немецких респондентов позволяет говорить о национально-культурной специфике реакций, полученных в свободном ассоциативном эксперименте.

Сопоставительный анализ нашего эксперимента с материалами Русского ассоциативного словаря позволяет сделать следующие выводы: во-первых, сбор материала для РАС осуществлялся в течение десяти лет – с 1988 по 1997 гг., наш эксперимент проводился в 2007 г., т. е. спустя более десяти лет. Во-вторых, материалы словаря в основном сформированы на базе свободного ассоциативного эксперимента в студенческой аудитории из разных городов России. Принципиальное отличие нашего эксперимента заключается в том, что в качестве информантов выступают не студенты, а работающие люди,

которые могут судить о различных аспектах трудовой деятельности не гипотетически, а на основе собственного опыта.

Носителям указанных языков были предложены анкеты, включающие 10 слов-стимулов (*работа/Arbeit, работать/arbeiten, зарабатывать/verdienen, деятельность/Tätigkeit, профессия/Beruf, карьера/Karriere, коллега/Kollege, начальник/Chef, лень/Faulheit, досуг/Freizeit*) и 15 слов-дистракторов в виде произвольно отобранных слов различных частей речи. При отборе слов-стимулов для проведения свободного ассоциативного эксперимента мы руководствовались следующими принципами: во-первых, в список стимулов включены частотные компоненты лексико-семантических полей, названных лексемами *работа/Arbeit*; во-вторых, часть стимульных слов относится к ключевым лексемам концепта «труд» в немецкой и русской языковой картине мира; в-третьих, слова-стимулы, на наш взгляд, отражают основные аспекты трудовой деятельности человека, а именно, сам процесс работы по определенной профессии, вознаграждение за труд, совместность трудовой деятельности (начальник, коллеги), достижения в сфере профессиональной деятельности (карьер), свободное время после работы (досуг).

В нашем исследовании выявляются существенные признаки ядра и периферии ассоциативных полей как смысловой константы единиц картины мира, соотносимых со словом. Мы считаем, что на основе данных ассоциативного эксперимента можно выделить факторы, которые интерпретируются содержательно как семантические компоненты исследуемых лексических единиц, что позволяет соотнести результаты ассоциативного эксперимента с результатами анализа семантической структуры слова методом компонентного анализа и установить различия между реальной семантикой слова для носителя языка и представлением содержания слова в словарной статье толкового словаря (А. А. Леонтьев, Е. В. Лукашевич, М. Патсис). Эта задача может быть решена путем сравнительного анализа словарных дефиниций и экс-

периментальных данных, полученных в свободном ассоциативном эксперименте.

С помощью метода компонентного анализа были сформированы семантические поля (СП) каждого слова-стимула, а на базе полученных в САЭ вербальных реакций (всего 2 762, включая отказы) – ассоциативные поля (АП) носителей немецкого языка (1 298 реакций) и русского языка (1 464 реакций). Причем, при формировании ассоциативных полей во внимание принимались как частотные, так и единичные реакции, полученные в ассоциативном эксперименте. На основе такого значимого признака, как частота реакций в ассоциативном поле, выделены: 1) реакции с высокой частотой; 2) реакции со средней частотой; 3) реакции с низкой частотой; 4) единичные реакции. Условно реакции с высокой и средней частотой (от 25 до 5) образуют ядро ассоциативных полей анализируемых слов; реакции с низкой частотой (от 4 до 2) и единичные реакции представляют периферию ассоциативных полей.

Следовательно, объектом исследования в этой главе являются семантические и ассоциативные поля, смоделированные по результатам компонентного анализа и свободного ассоциативного эксперимента. Предметом исследования является словарное и ассоциативное значение слов-стимулов. Гипотеза исследования – семантическая и смысловая структура соотносимого слова находятся в отношении структурного изоморфизма. Для верификации гипотезы мы предпринимаем попытку представить схематично структуры семантических и ассоциативных полей на примере 10 слов-стимулов, продемонстрировать совпадения/расхождения в количестве, качестве и структуре их компонентов.

Структурный изоморфизм семантической и смысловой структуры слов-стимулов проявляется в том, что эти структуры могут быть представлены моделью полевого типа, позволяющей выявить национально-культурную

специфику в моделировании единиц картины мира представителей немецкого и русского этносов. Модель полевого типа дает возможность осуществить сопоставление на разных уровнях: сравнить семантические и ассоциативные поля по количеству, качеству и структуре их компонентов сначала в рамках отдельно взятого языка, а затем сопоставить полученные результаты на основе кросскультурного исследования.

Моделирование ассоциативного поля как модели анализа значения слова позволяет установить на базе использования собственно лингвистических и психолингвистических методов расхождения между реальной семантикой слова для носителя языка и значением, представленным в толковых словарях. Проведенное исследование показало, что пространство ассоциирования носителей немецкого и русского языков, касающееся десяти слов-стимулов, выходит за границы словарных статей и представляет актуальное психологическое значение слова. Кроме того, сопоставительный анализ семантических и ассоциативных полей слов-стимулов дает возможность установить специфику структурирования языковой картины мира, особенности стратегии ассоциирования, структурно-содержательные отличия в одном и том же концепте, характерном для разных лингвокультур, что, в конечном счете, определяет эффективность межкультурного общения.

На втором этапе мы использовали метод субъективного шкалирования (МСШ). Использование нескольких видов эксперимента обусловлено необходимостью взаимной верификации их результатов. Это обеспечивает надежность и достоверность сделанных выводов. Метод субъективного шкалирования предполагает применение некоторой градуальной шкалы, которая может быть пяти- или десятизначной. Построенное пространство является не только компактной формой описания и дифференциации анализируемой лексики, но и обладает статусом модельного представления вербальной семан-

тической памяти, позволяющего предсказать некоторые закономерности ее функционирования.

Во втором этапе эксперимента с помощью метода субъективного шкалирования приняли участие 100 носителей русского языка и 100 носителей немецкого языка, для которых эти языки являются родными, занимающихся трудовой деятельностью. Испытуемым предлагался тот же список слов-стимулов, который применялся в свободном ассоциативном эксперименте (10 стимульных слов лексико-семантического поля *труд/Arbeit* и 15 слов-дистракторов). Их задача заключалась в выражении своего отношения к словам-стимулам, представляющим собой социальные явления, с помощью количественных показателей десятизначной градуальной шкалы. Показатель 0 на данной шкале свидетельствует о нейтральном отношении. Шкала положительного отношения включает показатели от «+1» до «+5», шкала отрицательного отношения характеризуется диапазоном от «-1» до «-5».

Таким образом, цель приема субъективного шкалирования – определить в количественных показателях степень положительного или отрицательного отношения испытуемых к словам-стимулам, что предполагает решение следующих задач: на основе схематичного представления результатов эксперимента сравнить полученные данные по каждой паре слов-стимулов русского и немецкого языков; сопоставить полученные результаты с результатами свободного ассоциативного эксперимента и сделать выводы об их совпадении/расхождении. Гипотеза второго этапа эксперимента – результаты свободного ассоциативного эксперимента и приема субъективного шкалирования находятся в отношениях совпадения/расхождения.

Верификация результатов свободного ассоциативного эксперимента методом субъективного шкалирования показывает степень совпадения/расхождения в количественных показателях, демонстрирующих нейтральное, положительное и отрицательное отношение к труду представите-

лей немецкого и русского этносов. Расхождения в их результатах обусловлены тем, что САЭ демонстрирует неосознаваемые связи между вербальными реакциями, культурное содержание которых проявляется, прежде всего, в их частотности и сочетаемости, в то время как МСШ требует от респондентов осознанной оценки указанных понятий, актуализируя рациональное культурное знание. Совпадение результатов двух видов эксперимента объясняется тем, что частотные, стандартные языковые единицы, выступающие в качестве вербальных реакций свободного ассоциативного эксперимента, также могут характеризоваться положительными или отрицательными коннотациями, т.е. содержать оценку.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора.

Монографические издания:

1. Скорнякова, Р. М. Принципы моделирования языковой картины мира [Текст] : монография / Р. М. Скорнякова. – Томск: ТГПУ, 2008. – 400 с. (23,25 п. л.).
2. Skorniakova, R. Moderne deutsche Aphorismen aus linguistisch-kultureller Sicht aufgrund der Aphorismen von Peter Hohl [Текст] / R. Skorniakova, A. Tabanakova. – Ingelheim: SecuMedia Verlag, 2008. – 82 S. (5,1/2,5 п. л.).
3. Скорнякова, Р. М. Концепт «труд» в немецкой языковой картине мира [Текст] : учебное пособие / Р. М. Скорнякова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 188 с. (12 п. л.).

4. Скорнякова, Р. М. Структура немецкого концепта «труд» [Текст] / Р. М. Скорнякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. В. Пименова и др. // Мир человека и мир языка: коллективная монография / Отв. ред. М. В. Пименова. – Серия: Концептуальные исследования. – Вып. 2. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 309–316 (0,5 п. л.).

**Научные статьи, опубликованные
в ведущих российских периодических изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:**

5. Скорнякова, Р. М. Отношение к труду в немецком языковом сознании сквозь призму интернет-форума [Текст] / Р. М. Скорнякова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Вып. 541. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Серия: Лингвистика. – М.: МГЛУ, 2007. – С. 245–250 (0,4 п. л.).

6. Skornyakova, R. M. Deutsche Neologismen im Bereich der Arbeitswelt [Текст] / R. M. Skornyakova // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 4 (67). – Серия: Гуманитарные науки (Филология). – Томск: ТГПУ, 2007. – С. 26–30 (0,3 п. л.).*

7. Скорнякова, Р. М. Метод субъективного шкалирования как способ верификации результатов свободного ассоциативного эксперимента [Текст] / Р. М. Скорнякова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 30. – № 10 (148). – Серия: Филология. Искусствоведение. – Челябинск: ЧелГУ, 2009. – С. 135–138 (0,25 п. л.).

8. Скорнякова, Р. М. Универсальное и этноспецифическое в русской фразеологии [Текст] / Р. М. Скорнякова // Русский язык в школе. – № 5. – М., 2009. – С. 82–85 (0,25 п. л.).

* На момент публикации журнал входил в Перечень ведущих научных журналов и изданий.

9. Скорнякова, Р. М. Принципы лингвокультурологического моделирования картины мира [Текст] / Р. М. Скорнякова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Вып. 557. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Серия: Лингвистика. – М.: МГЛУ, 2009. – С. 141–147 (0,4 п. л.).

10. Скорнякова, Р. М. Функциональная системность как принцип лингвокультурологического моделирования картины мира [Текст] / Р. М. Скорнякова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 5 (39). – Серия: Филологические науки. – Волгоград: ВГПУ, 2009. – С. 42–46. (0,45 п. л.).

11. Скорнякова, Р. М. Семантическое моделирование фрагмента языковой картины мира в диахронии [Текст] / Р. М. Скорнякова // Вестник Тамбовского государственного университета. – Вып. 8 (76). – Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 233–237 (0,5 п. л.).

12. Скорнякова, Р. М. Лингвокультурологическое моделирование картины мира с позиции моделирующего субъекта [Текст] / Р. М. Скорнякова // Вестник Томского государственного университета. – № 327. – Томск: ТГУ, 2009. – С. 27–30 (0,45 п. л.).

**Статьи и тезисы, опубликованные в сборниках научных трудов
и периодических изданиях:**

13. Скорнякова, Р. М. Анекдоты бывшей ГДР в этногерменевтическом аспекте [Текст] / Р. М. Скорнякова // Mentalität. Konzept. Gender. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000 / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Reihe „Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik“. – Band 7. – С. 42–45 (0,25 п. л.).

14. Скорнякова, Р. М. Некоторые особенности концепта «труд» в немецкой паремиологии [Текст] / Р. М. Скорнякова // Язык. Культура. Человек. Этнос / отв. ред. М. В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik,

2002. – Reihe: Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. – Band 8. – С. 128–131 (0,25 п. л.).

15. Скорнякова, Р. М. Зооморфные признаки немецкого концепта «труд» [Текст] / Р. М. Скорнякова // Язык. Миф. Этнокультура / отв. ред. Л. А. Шарикова. – Серия: Проблемы лингвокультурологии. – Вып. 1. Материалы I межрегиональной научной конференции. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 168–172 (0,3 п. л.).

16. Скорнякова, Р. М. Способы экспликации обозначения лица женского пола по профессии в современном немецком языке [Текст] / Р. М. Скорнякова, Е. И Фриауф // Вопросы гендерной теории и лингвистики / отв. ред. М. Ю. Рябова: сб. науч. трудов. – Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2003. – С. 89–93 (0,3/0,2 п. л.).

17. Скорнякова, Р. М. Некоторые признаки концепта «труд» в немецкой и русской прессе [Текст] / Р. М. Скорнякова, Н. А. Гренц // Язык. Этнос. Картина мира: сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Пименова, Е.А. Пименов. – Серия: Концептуальные исследования. – Вып. 1. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 127–131 (0,3/0,2 п. л.).

18. Скорнякова, Р. М. Концепт «труд» в Библии [Текст] / Р. М. Скорнякова // Концепт и культура: Материалы Международной научной конференции. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 206–210 (0,3 п. л.).

19. Скорнякова, Р. М. Трансформация паремий как отражение современного мировидения этноса [Текст] / Р. М. Скорнякова // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. – Вып. 4. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). – Ч. 3. – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 6–11 (0,4 п. л.).

20. Скорнякова, Р. М. Труд как междисциплинарное понятие [Текст] / Р.М. Скорнякова // Когнитивные и дискурсивные проблемы современной

лингвистики: сб. науч. трудов. / отв. ред. М. Ю. Рябова. – Кемерово: КемГУ, 2005. – С. 80–83 (0,25 п. л.).

21. Скорнякова, Р. М. Концепт «труд» в немецких сказках [Текст] / Р. М. Скорнякова, Ю. П. Бауэр // *Welt in der Sprache* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – Reihe: Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. – Bd. 11. – S. 151–157 (0,45/0,2 п. л.).

22. Скорнякова, Р. М. Концепты-спутники «труд» и «лень» в немецкой лингвокультуре [Текст] / Р. М. Скорнякова // *Языковые и культурные контакты различных народов: сб. статей Международной научно-методической конференции.* – Пенза: ПГПУ, 2005. – С. 228–230 (0,2 п. л.).

23. Скорнякова, Р. М. Культурно-когнитивный потенциал антонимов в репрезентации концепта [Текст] / Р. М. Скорнякова // *Проблемы систематики языка и речевой деятельности: материалы 8-го Регионального научного семинара.* – Иркутск: ИГЛУ, 2005. – С. 241–245 (0,3 п. л.).

24. Скорнякова, Р. М. Временная метафора как способ репрезентации концепта «труд» в немецкой языковой картине мира [Текст] / Р. М. Скорнякова. – Рук. деп. в ИНИОН РАН 01.03.2006. – № 59658. – М., 2006. – 17 с. (1,06 п. л.).

25. Скорнякова, Р. М. Концепт «труд»: пространственный культурный код [Текст] / Р. М. Скорнякова // *Концепт и культура: мат-лы II Международной научной конференции.* – Кемерово, 2006. – С. 444–455 (0,75 п. л.).

26. Скорнякова, Р. М. Роль неологизмов в репрезентации концепта [Текст] / Р. М. Скорнякова // *Материалы XXXV Международной филологической конференции.* – Вып. 2. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). – Ч. 3. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 23–28 (0,4 п. л.).

27. Скорнякова, Р. М. Труд в нацистской Германии: лингвокультурологический аспект [Текст] / Р. М. Скорнякова // *Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России: материалы Международной научной конфе-*

ренции. – Серия: Германские исследования в Сибири. – Вып. 4. – Кемерово; М.: Российские университеты, 2006. – С. 266–272 (0,45 п. л.).

28. Скорнякова, Р. М. Методика исследования концепта [Текст] / Р. М. Скорнякова // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Межд. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / отв. ред. М. В. Пименова. – Серия: Концептуальные исследования. – Вып. 8. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 142–147 (0,4 п. л.).

29. Скорнякова, Р. М. Культурно-когнитивный потенциал метафоры в репрезентации концепта [Текст] / Р. М. Скорнякова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XI Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – С. 157–161 (0,3 п. л.).

30. Скорнякова, Р. М. Синонимия как способ концептуализации труда в немецкой языковой картине мира [Текст] / Р. М. Скорнякова // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Международной научно-практической конференции. – Часть I. – Барнаул: БГПУ, 2006. – С. 287–290 (0,25 п. л.).

31. Скорнякова, Р. М. Имена собственные как способ объективации концепта «труд» [Текст] / Р. М. Скорнякова // Ономастическое пространство и национальная культура: материалы Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2006. – С. 167–169 (0,3 п. л.).

32. Скорнякова, Р. М. Когнитивные стили и типы самоидентификации личности в культурном пространстве современной Германии [Текст] / Р. М. Скорнякова // Первый Российский культурологический конгресс: тезисы докладов. – СПб.: Эйдос, 2006. – С. 274 (0,06 п. л.).

33. Скорнякова, Р. М. Витальность как способ концептуализации труда [Текст] / Р. М. Скорнякова. – Рук. деп. в ИНИОН РАН 14.02.2007. – № 60190. – М., 2007. – 16 с. (1,0 п. л.).

34. Скорнякова, Р. М. Интерпретационное поле концепта «труд» сквозь призму окказиональных паремий [Текст] / Р. М. Скорнякова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: теоретический и методологический аспекты: материалы международной научно-практической конференции. – Благовещенск: БГПУ, 2007. – С. 195–199 (0,3 п. л.).

35. Скорнякова, Р. М. Немецкие эвфемизмы в сфере трудовой деятельности [Текст] / Р.М. Скорнякова // Социальные варианты языка–V: материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т, 2007. – С. 159–162 (0,25 п. л.).

36. Скорнякова, Р. М. Концептуализация труда в современных немецких афоризмах [Текст] / Р. М. Скорнякова // *Ethnohermeneutik und kognitive Linguistik* / Hrsg. von R. D. Kerimov. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. – Reihe: Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. – Band. 12. – S. 314–319 (0,4 п. л.).

37. Скорнякова, Р. М. Стили трудовой деятельности в немецкой лингвокультуре [Текст] / Р. М. Скорнякова // Лингвистика: теоретические и методические исследования: сб. науч. тр. – Вып. 1. / отв. ред. А. Г. Фомин. – Кемерово: КемГУ, 2007. – С. 167–172 (0,4 п. л.).

38. Скорнякова, Р. М. Языковая агрессия в сфере трудовой миграции Германии [Текст] / Р. М. Скорнякова // Политическое насилие в исторической памяти Германии и России: сб. науч. статей. – Серия: Германские исследования в Сибири. – Вып. 5. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С. 702–707 (0,4 п. л.).

39. Скорнякова, Р. М. Kognitive Ansätze der Metaphernforschung im Bereich der Arbeitswelt [Текст] / Р. М. Скорнякова // Актуальные проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации: сб. науч. статей. – Кемерово: КемГУ, 2007. – С. 111–114 (0,25 п. л.).

40. Скорнякова, Р. М. Диалог немецкой и русской культур о труде [Текст] / Р. М. Скорнякова // Человек говорящий и пишущий: материалы IV Международных Березинских чтений / отв. ред. А. П. Тусичишный. – М.: МГЭИ, 2008. – С. 117–126 (0,6 п. л.).

41. Скорнякова, Р. М. Отношение к труду через призму немецко- и русскоязычных интернет-форумов [Текст] / Р. М. Скорнякова // Материалы XXXVII Международной филологической конференции. – Вып. 2. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 171–176 (0,4 п. л.).

42. Скорнякова, Р. М. Наименования профессий в немецком разговорном языке (лингвокогнитивный аспект) [Текст] / Р. М. Скорнякова // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. – Т. 4. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – С. 338–345 (0,5 п. л.).

43. Скорнякова, Р. М. Проблема верификации результатов свободного ассоциативного эксперимента [Текст] / Р. М. Скорнякова // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: тезисы докладов XVI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Эйдос, 2009. – С. 244–245 (0,1 п. л.).

44. Скорнякова, Р. М. Отношение к труду через призму интернет-опроса [Текст] / Р. М. Скорнякова // Социальные варианты языка–VI: материалы Международной научной конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т, 2009. – С. 334–337 (0,25 п. л.).

45. Скорнякова, Р. М. Сравнительный анализ значения слова на основе семантического и ассоциативного полей [Текст] / Р. М. Скорнякова // Горизонты психолингвистики: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. М. Масленникова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – С. 252–256 (0,25 п. л.).

Редактор Л. М. Борискина

Подписано к печати 21.12.2009. Формат 60х84¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ № 201

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Отпечатано на участке оперативной полиграфии КемГУ.

10